
Школа философствования

НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ*
Раздел III. ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК?
Глава 8. Культура как способ жизни
§ 16. Социальный контроль

*Отклоняющееся поведение и социальный контроль.
Социально-культурные эмоции: честь, гордость, стыд.
Культура личности и смех.*

Отклоняющееся поведение и социальный контроль

«Так нечестно», – говорят приятели со двора и отворачиваются от нарушившего неписаные правила «кодекса дворовой чести». Малыш по неловкости уронил чашку и мать наказывает его. А по достижении определенного возраста за некоторые поступки приходится отвечать – имуществом или свободой.

На протяжении всей человеческой истории общество всегда стремилось и стремится устранить нежелательные отклонения в поведении от социальных норм и образцов. В этой связи говорят о девиантном поведении или девиации (от слова *deviatio*, отклонение от назначенного пути). Речь идет о широкой шкале мер от традиционных методов семейного и школьного воспитания, убеждения до санкционированных правом мер наказания. Случались в истории и срывы в меры, связанные с жестоким насилием, даже массового характера: охота на ведьм, суды инквизиции, сталинский террор, борьба с инакомыслием в советское время.

Следует только помнить о двух важных обстоятельствах. Во-первых, ключевым моментом в понимании девиации и выработки мер по отношению к ней являются представления о норме. Еще не так давно, в СССР религиозность, предпринимательство и борьба за права человека считались социальными патологиями и активно преследовались вплоть до судебных мер или принудительного лечения. Представления о нормах соответствуют динамике общественного развития, следуют за ним и выражаются обычно в действующем законодательстве и общественной морали.

Во-вторых, отклонение от нормы может быть двояким: как положительным, так и отрицательным. Первый вид отклонений способствует

---

* Продолжаем публикацию материалов учебника «Начала философии», подготовленного коллективом петербургских авторов (см.: Философские науки. 2010. № 5 – 12; 2011. № 1 – 4).

развитию социальной системы и поэтому, в принципе, желателен для общества. Примером подобного отклонения является любое творчество — оно всегда связано с порождением чего-то нового, а значит — связано с преодолением (нарушением) сложившихся привычек, норм, традиций. Второй же вид отклонения, собственно девиация, способствует не развитию, а дезорганизации общественной жизни, разрушителен для общества. Недаром подобное отклоняющееся поведение иногда еще называют социальными патологиями — социальными болезнями.

Современникам не всегда удается четко и однозначно различать творчество и девиацию. Хорошо известно, что первоначально творческие прорывы в науке, искусстве, религии воспринимаются как преступления против общества, общественной морали, хулиганство, а то и душевная болезнь творцов. Тем не менее, имеется довольно четкий критерий распознавания девиации «от противоположного». Социальной патологией являются такие формы поведения, которые, если бы их придерживались все члены общества, привели бы к гибели этого общества. Типичными примерами девиантного поведения являются алкоголизм, наркомания, преступность. Нетрудно представить себе, что ожидало бы общество, в котором все были бы алкоголиками или преступниками. Поэтому девиацией, а отнюдь не фактом личной биографии являются самоубийство (суицид), проституция, гомосексуализм. Деструктивность самоубийства очевидна, что же касается проституции и гомосексуализма, то они деструктивны, поскольку ведут к утрате обществом способности к воспроизводству, а значит — дальнейшего развития.

Каковы причины этих отклонений? В известной степени можно говорить о биологической предрасположенности к девиации, связанных с наследственностью, особенностями психики, темперамента. Однако решающую роль играют все-таки социальные причины, такие, как социальное неравенство, неустроенность, невозможность полноценной самореализации. Поэтому девиантное поведение может рассматриваться и как симптом, сигнал, предупреждающий о неблагополучии в каких-то областях общественной жизни. Характерно, что в периоды, когда от общества требуется консолидация, общее напряжение сил по преодолению угрозы или опасности, например, во время войны или политического кризиса уровень социальной девиации обычно резко снижается.

Различные формы девиантного поведения тесно связаны, переплетаются друг с другом, дополняют друг друга. Факт, что алкоголизм, наркомания и токсикомания оказываются, как и проституция и, зачастую, гомосексуализм, тесно взаимосвязанными с преступностью.

Девиантное поведение полностью неустранимо в любой культуре и в любом, в том числе, процветающем обществе. Если в обществе существуют нормы, то неизбежны будут и отклонения от них. Девиация во многом суть порождение динамики развития общества, в нем всегда будут неудачники, люди, выпадающие из «нормальной» социальной деятельности. Поэтому полностью, раз и навсегда устранить, отсеять негативную девиацию невозможно. Так же, как если у магнита отрезать, скажем, южный полюс, то в результате получатся два магнита с обоими полюсами, также и борьба с социальной девиацией отнюдь не сводится к радикальному ее искоренению, репрессиям и «социальной хирургии», а требует взвешивающего и комплексного подхода.

В самом общем виде можно говорить о двух основных формах социального регулирования поведения: правовом и моральном регулировании. В первом случае речь идет о регуляции, основанной на соблюдении принятых законов (гражданского, административного, трудового, уголовного и т.д. права). Правовое регулирование во многом унифицировано, внеличностно, жестко, его формы принуждения включают в себя насилие, вплоть до ограничения свободы и даже (за особо тяжкие и опасные для общества преступления) – смертную казнь. Моральное регулирование основано на традиции, личном примере, общественном мнении. Однако в обоих случаях речь идет о мерах поощрения и наказания, принуждения и убеждения.

Исторический опыт демонстрирует неэффективность репрессивных мер по отношению к социальной девиации. Более того, зарубежный и отечественный опыт второй половины XX столетия ставит сложную проблему «кризиса наказания», выражающуюся в росте преступности, несмотря на ужесточение законодательства, неэффективности системы осуществления наказаний (тюрем, колоний и т.п.). Давно замеченный факт: в небольших поселках, жители которых лично друг друга знают, люди с большей терпимостью относятся к друг к другу, а возникающие конфликты чаще всего склонны решать между собой сами, без вмешательства и санкций извне. Да и сами-то формы социальной девиации в таких поселениях не носят обычно опасного характера, не выходят за рамки «чужачества», безопасных для окружающих.

Чем сплоченнее общество, тем в большей степени характерна для него атмосфера взаимной ответственности и уважения чужой свободы, тем более гуманен в нем социальный контроль и тем в меньшей степени оно нуждается в жестких репрессивных мерах по регулированию отклоняющегося поведения. В таких сообществах главным регулятором социального поведения становится не столько право, сколько мораль и общественное мнение. В разобщенном сообществе (например, в больших городах, где жители одного дома и даже

подъезда плохо знают друг друга) создается среда, благоприятная как для опасных для окружающих девиаций, так и для восприятия их таковыми общественным мнением и, как следствие, надеждой на безличные реперессивные санкции. Поэтому самой действенной формой социального контроля является оздоровление общества, его консолидация, формирование в нем механизмов общественного самоуправления, создание условий полноценной самореализации.

Социально-культурные эмоции: честь, гордость, стыд

Социально-культурное регулирование осуществляется не только с помощью права, морали, но и через эмоциональную сферу. Ряд эмоций имеет принципиально социально-культурную природу.

Например, честь и связанное с нею переживание гордости коренятся в признании соответствия личности социальным нормам определенной культуры, к которой личность себя относит. Стыд же — переживание собственного несоответствия таким нормам и образцам. Оступиться, перейти черту стыда — навлечь позор и одновременно — лишиться чести. Стыд суть сокровенное личности, то, что нежелательно открывать публичному обозрению (позору). Чем более нравственно развита личность, чем глубже и шире поле ее стыда. В этом плане стыд есть эмоциональное проявление совести, которая сама суть эмоциональное переживание личностью своей ответственности. В этой связи стоит обратить внимание на некоторую абсурдность выражения «чистая совесть». В нем не больше смысла, чем в словосочетаниях типа «круглый квадрат», «железная деревяшка». Совесть по определению не может быть чистой. Она потому и совесть, что не чиста. Чистая же совесть — это отсутствие совести.

Нравственно неоднозначна и проблема чести. Так, христианский идеал святости не знает чести. Как безнравственные отвергаются христианством такие способы «защиты чести», как дуэль или самоубийство. Дуэлянты и самоубийцы — настоящие «невольники чести». Показательны в этом плане знаменитые и трагические дуэли — пушкинская и лермонтовская, оборвавшие жизнь великих русских поэтов. В этом невольничестве дуэлянтам подобны и самоубийцы. К суициду — самоуничтожению — приходят не те, кто не хочет жить, а те, кто хочет жить слишком. Люди с завышенными претензиями к жизни и амбициями, те, которые никак не могут привести к общему знаменателю свои стремления и возможности, свои «хочу» и «могу».

Всякая честь кастова и корпоративна — в том смысле, что связана с нормами вполне конкретной общности, группы, субкультуры. Есть офицерская честь, мужская честь, профессиональная честь — и у каждой профессия своя. Нет чести вообще, всегда есть какая-то конкрет-

ная честь. Честь и стыд испытываются перед кем-то, а перед кем-то и нет. Дворянская честь — это нравственное поведение с дворянами и перед ними, но не перед смердами. Обесчестить холопку — не стыдно, соблазнение же дворянки недопустимо — чревато утратой чести. То же касается и рыцарской чести, и профессиональной.

Честолюбие одной природы с несвободой. Недаром представления о чести наиболее ярко проявляются с сферах не свободных: армии, местах лишения свободы, когда человек вынужден выполнять не свои решения и не свою волю. Иерархия подчинения, вышестоящий отдал приказ нижестоящему — тот повторил его, как свидетельство понимания, и пошел выполнять. В таких сферах обязательны чины, знаки отличия, знаки поощрения, униформы, привилегии, медали, ордена, значки, чтобы было видно — кому какая честь положена.

Другое — в сферах научного и художественного творчества. Здесь человек занят деятельностью не по долгу, а по призванию. Для человека значима сама возможность заниматься любимым делом, а не возможные награды и чины. Серьезный художник, ученый, любая творческая личность, мастер творят не ради чинов и наград, знаков отличия, которые даже противопоказаны творчеству, сводя все к погоне за честью, т.е. тщеславию и честолюбию.

Культура личности и смех

Еще боле ярко соотносённость личности с культурой проявляется в такой простой и каждодневной эмоции, как смех. Люди смеются много и с удовольствием — над своими удачами и неудачами, над произведениями искусства и бытовыми ситуациями. Практически во всех сферах жизни находится место улыбке, шутке, смеху, иронии. Политики, ораторы и преподаватели сознательно прибегают к шуткам и островам, ценным слушателями. Долгую историю имеет развитие специальных жанров в различных видах искусства: комедия, цирк, карикатура...

Столь же обширно и множество концепций смешного. Говорят о добром и злом смехе, о сатире и юморе, о гуманности смеха и о его бессовестности.

Если попытаться выявить то общее, что определяет феномен смешного в различных его проявлениях, и постараться выстроить систему условий, порождающих его, то в глаза бросается, что смех — явление исключительно человеческое. На эту его особенность издавна обращали внимание многие исследователи: только человек смеется и только из-за чего-нибудь человеческого. Страх, отчаяние, радость и другие эмоциональные проявления внутренней жизни имеют место и в животном мире. Смеется же только человек. Это обстоятельство

наводит на мысль, что природа смеха определяется тем, что выделяет человека из животного мира, а именно — его социальной сущностью. Это означает, что факторы смешного заложены не столько в психофизиологии, сколько в социально-культурной природе личности.

С другой стороны, смеется человек, в конечном счете, над человеческим же. «Пейзаж, — писал французский философ А. Бергсон, — может быть красив, привлекателен, великолепен, невзрачен или отвратителен, но он никогда не будет смешным». Это же относится и к животным, которые сами по себе так же не смешны. Ужимки обезьяны, выпученные глаза лягушки, малоподвижность бегемота, трусливость зайца, хозяйственность ежа смешны не в своем естестве, а как аналоги и напоминание человеческих черт. Сходство черт с человеком может усиливаться дрессировкой и одеванием животных, лежащими в основе комизма народного балагана и цирковых номеров.

Если смех определяется сущностью человека как существа социального, то первое условие комизма и вызываемого им смеха состоит в том, что у смеющегося имеются некоторые представления о должном, моральном, правильном. Там, где смеется один, другому может быть не до смеха. То, что смешно для компании хулиганствующих подростков, отнюдь не смешно для окружающих. Шутки немцев, с точки зрения француза или англичанина, грубы и тяжелы, тогда как шутки последних для немцев недостаточно «крепки». Каждый народ, каждая эпоха, каждая социальная группа обладают своим чувством юмора, иногда непонятного для других эпох, народов и групп.

Однако просто знания нормы для возникновения смеха недостаточно. Необходимо также наличие отклонения от должного, несоответствие ему. Противоречие должного и конкретной ситуации — основная почва, центральный нерв смешного. Совершенство и гармония смеха не вызывают. Смех вызывает несовершенство, дисгармония, отклонение от общепринятой в данной культуре нормы. Поэтому смешное всегда легко узнаваемо, типично. Именно в типической узнаваемости состоит отличие комического от трагического. В названиях комедий используются большей частью имена нарицательные, а герои комедии — не столько личности, сколько общие типы: скупой, лжец, мизантроп, лицемер, ябеда... Схематизированный, обобщенный до родовых признаков комический персонаж подчеркивает связь смешного с социальным нормированием, здравым смыслом, обыденной житейской мудростью.

Только отклонением объекта смеха от нормы «пусковой механизм» смешного не объяснишь. Порок, преступление — тоже отклонения от нормы. Болезнь, стихийное бедствие, крушение великих и героических начинаний — тоже выражают слабость и несостоятельность, однако все они смеха отнюдь не вызывают. Смех — эмоция

положительная, связанная с радостью понимания. В ситуации, когда для решения проблемы, с которой он столкнулся, знаний и опыта недостаточно, человек испытывает отрицательные эмоции неуверенности, страха, отчаяния. Очевидно, что с этой точки зрения смех — это естественная эмоция человека, который понял суть того, что происходит. Именно игра с пониманием, столкновение «знания до» и «знания после» вызывает и стимулирует смех. Привычное предстает в необычном, новом свете, важное оказывается неважным, а незначительное — существенным и решающим. Способность видеть смешное в привычном, чувство юмора и остроумие — обычно верное свидетельство глубокого понимания ситуации.

Другими словами, смешно то, что понятно и не опасно. Даже смех от щекотки возможен только при условии, что вы убеждены в добром отношении к вам щекочущего. В любом другом случае, тем более — при опасности, щекотка будет восприниматься только как неприятное раздражение нервных окончаний. Такова же природа и так называемого жизнерадостного смеха: если у человека нет забот и все в жизни складывается удачно, он счастлив и потому беззаботно смеется.

Смеясь, мы смотрим на объект нашего смеха с позиций нравственного превосходства. Осознав, поняв ограниченность своих или чужих представлений, человек, смеясь, раздвигает свои горизонты осмысления и понимания. Формула Вольтера: «Что сделалось смешным, уже не может быть опасным!» — верна и в обратном прочтении: «Смешное — это то, что не опасно!». Горилла или медведь, встреченные на воле, вызовут скорее страх — смешны же они в клетке зоопарка или на арене цирка, в ситуации безопасной для зрителей. Смешны несостоятельные претензии: ложь, явно или неявно разоблачаемая, наказуемые скупость, лень, глупость и другие человеческие пороки. Поэтому смех — не просто реакция на отклонение от нормы: это всегда реакция превосходства, нравственного удовлетворения, вызванного торжеством нравственного идеала того общего «мы», к которому мы причисляем себя. Смех, особенно в трудные минуты, показывает большой запас силы, он есть не только признак силы, но и сама сила, признак победы. Хорошо смеется тот, кто смеется последним — потому что он — победитель. Причем «порог смешного» может быть опущен: в военные годы вызывают смех жестокие карикатуры на врага, лубочные картины его уничтожения и прочее, в мирное время вовсе не смешное. Порог смешного может быть и повышен. Пьер Безухов смеется над своим пленением: «Мою бесмертную душу в плен взять?!!». В лицо своим мучителям смеялся Ян Гус. В этих случаях смех — торжество человека, его идеалов над «всесильным» врагом, лишаящим его жизни. Это не просто стремление «посмеяться последним». Такой смех доступен лишь человеку,

глубоко уверенному в конечной победе своего дела, за которое можно пойти и на смерть.

Поэтому смех может быть даже средством самовоспитания. Сам механизм порождения смешного позволяет как бы «взять самого себя за волосы» и поставить «над» ситуацией, приносящей огорчения. Психологи считают полезным попробовать рассмеяться в трудной ситуации. Люди с улыбкой, чувством юмора, обладают особой привлекательностью. Способность смеяться не только важный показатель душевного здоровья, но и эффективное средство его достижения.

Смех одновременно утверждает одни ценности и ниспровергает другие, сплачивает смеющихся и отделяет их от осмеиваемого. Никакая «серьезная» форма общения не может столь быстро сплотить людей, как общий смех. Поэтому он — средство социально-культурного нормирования и воспитания. Причем — средство не только эффективное, но и гуманное, апеллирующее к самосознанию личности и приводящее это самосознание в действие. Более того, смех может быть направлен и на самого смеющегося — смеяться над самим собой не только не странно, но и весьма полезно.

Сам механизм смеха, иногда помимо воли смеющегося, проявляет его культуру, уровень интеллектуального и нравственного развития. Об этом очень точно писал в «Подростке» Ф.М. Достоевский: «Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете его подноготную... Веселость человека, это самая выдающая человека черта, с ногами и руками. Иной характер долго не раскусите, а рассмеется человек... и весь характер его вдруг окажется как на ладони... Если захотите рассмотреть человека, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благородными идеалами, а вы смотрите его лучше, когда он смеется... смех есть самая верная проба души».

Таким образом, смех оказывается механизмом социализации и индивидуализации личности. Разрушая, осмеивая некоторую культуру, смех утверждает другую, более развитую. Сам факт осмеивания ставит смеющегося в позицию нравственного и интеллектуального превосходства. Остроумие предполагает именно «острый ум», улавливающий тонкие противоречия и недостатки, обычному уму не открывающиеся. Фольклорный Дурак, шут, юродивый предполагаются мудрецами, судящими реальный мир с позиции мира более справедливого, обычным людям недоступного, не от мира сего.

Смех — путь самопознания личностью культуры в себе и себя в культуре, торжество бытия-с-другими. В любом случае смех есть верный критерий культуры личности. Сам по себе смех не добр и не зол. Качество его зависит от личности: добрый человек смеется добрым смехом, а злой — злым, умный смеется по-умному, а глупый — глупо.

Как нет границ развитию культуры, человеческому уму и глупости, так нет и границ смеха. Там, где есть место человеческому отношению к действительности, осмыслению ее и своего места в ней, своего отношения к другим - всегда будет и место смешному.

Таким образом:

- Реальные жизненные условия порождают отклонения от норм, некоторые из которых становятся нежелательными и даже опасными для общества.
- Меры борьбы с отклоняющимся (девиантным) поведением включают в себя комплекс правовых и нравственных форм контроля.
- Наиболее эффективными в борьбе с девиацией являются не столько репрессивные меры, сколько эмоциональная сфера: честь, стыд, совесть, смех.

Задания:

Для самоконтроля:

1. Назовите причины отклоняющегося поведения (социальной девиации). Укажите те из них, которые более важны: природные или социальные.
2. Укажите факты, отличающие социальные девиации от творчества.
3. Опишите девиации особенно нежелательные и даже опасные. Назовите причины их нежелательности для общества.
4. Опишите соотношение гордости (чести) и стыда (совести).

Для закрепления:

1. Определите термин «отклоняющееся (девиантное) поведение».
2. Перечислите то, чем девиации нежелательны для общества.
3. Назовите формы социального контроля и исправления отклоняющегося поведения.
4. Укажите цели, которые оправдывают социальный контроль.
5. Раскройте смысл термина «кризис наказания».
6. Укажите формы социального контроля, которые Вы считаете наиболее эффективными. Обоснуйте свой ответ.
7. Что такое совесть?
8. Раскройте социальную роль смеха.
9. Укажите то, чем важен смех в объяснении природы и развития личности.
10. Приведите примеры, когда смех помогал вам, вашим друзьям, близким.

Для обсуждения:

1. Как Вы относитесь к смертной казни: считаете ли Вы ее необходимой или наоборот – недопустимой? Обоснуйте свой выбор.
2. Объединившись в группы по 4 человека, обменяйтесь впечатлениями о содержании параграфа.
  - Выделите то, что показалось Вам наиболее важным и интересным.
  - Выделите то, что осталось непонятным и о чем Вам бы хотелось получить дополнительные разъяснения.
  - О результатах работы сообщите классу.

Для самостоятельной работы:

1. После ознакомления с фрагментом «Евангелия от Матфея», выполните задания и ответьте на вопросы:
2. «А как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подошед к первому, сказал: сын! пойдя, сегодня работай в винограднике моем.
3. Но он сказал в ответ: “не хочу”; а после, раскаявшись, пошел.
4. И подошед к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: “иду, государь”; и не пошел.
5. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый. Иисус говорит им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие».
  - Раскройте смысл утверждения «мытари и блудницы идут в Царство Божие» впереди праведников.
  - Что ценнее – намерения или действия?
  - Не противоречив ли стих 31 главы 21?
  - Является ли раскаяние поступком? Всегда? Любое раскаяние?
  - Не получается ли, что «поздняя мотивация» важнее реального действия и его результата? Нравственно ли раскаяние преступника?